ЕВРОПЕЙСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ:

события, оценки, прогнозы

ISSN 2587-7518

Выпуск 59(75) 2020

СОДЕРЖАНИЕ

«СТРАТЕГИЧЕСКИЙ КОМПАС» ЕС И БУДУЩЕЕ ТРАНСАТЛАНТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ Татьяна Пархалина

«ОТРАВЛЕНЫ», НО ЖИВЫ. РОССИЙСКО-ГЕРМАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ НА РАСПУТЬЕ Андрей Белинский

ПРАВОРАДИКАЛЬНЫЕ ПАРТИИ В ЧЕШСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ И СЛОВАКИИ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ Юлия Щербакова

ОСВЕЩЕНИЕ БЕЛОРУССКИХ ПРОТЕСТОВ В РОССИЙСКИХ И АНГЛОЯЗЫЧНЫХ СМИ Дарья Булдакова

ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК (ИНИОН РАН)

«СТРАТЕГИЧЕСКИЙ КОМПАС» ЕС И БУДУЩЕЕ ТРАНСАТЛАНТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ

Татьяна Пархалина,

президент Ассоциации Евро-Атлантического сотрудничества, советник директора ИНИОН РАН

Аннотация. В статье анализируются усилия Евросоюза по разработке новой стратегической концепции этого интеграционного комплекса, предпринимаемые с конца 2019 г. Особое внимание уделено влиянию, которое возымела политика администрации 45-го президента США на развитие трансатлантических отношений после 2016 г. Анализу подвергнуты итоги встречи министров иностранных дел стран — участниц НАТО 1–2 декабря 2020 г. и их воздействие на процесс разработки новой стратегии Евросоюза. При анализе настоящего и будущего трансатлантических отношений уделяется внимание кризисному развитию ЕС в последние годы, а также российскому фактору. Делается вывод о перезапуске трансатлантических отношений после прихода в Белый дом администрации демократов во главе с Дж. Байденом.

Ключевые слова: стратегический компас ЕС; трансатлантические отношения; НАТО; новые стратегии ЕС и НАТО.

Keywords: the EU strategic compass; trans-atlantic relations; NATO; new strategies of the EU and NATO.

В начале февраля 2020 г. Европейская комиссия провела в Страсбурге первые концептуальные дебаты по вопросам обороны, в ходе которых было отмечено, что в нынешнем геополитическом контексте Европейский союз должен взять на себя больше ответственности за свою безопасность и оборону и «усилить свою роль в качестве геополитического игрока». Не вызывает сомнения, что подобные дебаты стали результатом обострившихся трансатлантических отношений при администрации Трампа, ведь несмотря на различные кризисы в этих отношениях, впервые президент Соединенных Штатов поставил под сомнение сам факт атлантической солидарности в угоду их коммерциализации, часто настаивая не только на увеличении финансового вклада европейцев в общую оборону, но и пытаясь ослабить Евросоюз в качестве политического и экономического игрока.

В истории трансатлантических отношений были различные периоды, когда на первый план выходила конкурентная борьба между США и ЕС на американских и европейских рынках, а также рынках третьих стран. Но впервые в истории американский президент, провозгласив лозунг «Сделать Америку снова великой», встал на путь подрыва американ-

ского величия через ослабление роли и влияния Европы, своего естественного союзника, отношения с которым базировались на ценностной основе, что всегда приводило к росту влияния Запада не только в Евро-Атлантическом регионе, но и на глобальном уровне.

По итогам упомянутого заседания Еврокомиссии глава дипломатии ЕС Жозеп Боррель отметил, что просто заявлять о большей ответственности в сфере безопасности и обороны явно недостаточно, нужно «иметь средства, возможности и инструменты в различных политических и практических областях». Он подчеркнул, что в основном сотрудничество в области обороны осуществляется в государствахчленах и таким образом принадлежит к межправительственной сфере. В то же время Еврокомиссия могла бы внести большой вклад, «поддерживая промышленное сотрудничество, военную мобильность, борьбу против гибридных угроз».

Именно на этом заседании члены Еврокомиссии обсудили работу по созданию политического и стратегического документа, который назвали «стратегическим компасом», его цель — определение целей ЕС в области безопасности и обороны и идентификация угроз. На эту работу был отведен год, т.е. можно было ожидать, что в конце 2021 г. документ будет представлен для обсуждения, однако его разработка была отложена в связи с пандемией коронавируса, поразившей мир в 2020 г.

Следует отметить, что необходимость разработки названного документа признавалась уже на протяжении нескольких лет в экспертных, политических и военных кругах стран Евросоюза. Ведь и в ЕС, и в НАТО во второй половине второго десятилетия XXI в. обозначились разные подходы в оценке угроз безопасности. Так, ряд стран Центральной и Восточной Европы, прежде всего Польша и страны Балтии, рассматривают в качестве реальной угрозы политику России, с этим не были согласны такие страны, как Франция, Германия, США.

В то же время с приходом в Белый дом Трампа в 2016 г. Вашингтон стал рассматривать в качестве главной угрозы своей безопасности Китай, с чем не соглашалось большинство стран ЕС, которые выстраивали с Пекином интенсивное экономическое сотрудничество. Существенно возросло значение

турецкого фактора. Президент Турции Р. Эрдоган, разочаровавшись в многолетних переговорах с ЕС о вхождении его страны в этот интеграционный комплекс, начал проводить экспансионистскую политику в регионе Средиземноморья, что вступало в противоречие с интересами таких стран, как Франция, Италия, Греция, Кипр.

Во время видеосаммита министров обороны стран ЕС в ноябре 2020 г. Ж. Боррель заявил, что европейцы приступили к разработке «стратегического компаса» на основе анализа сложных проблем взаимодействия с Турцией (член НАТО), с Россией, с Соединенными Штатами после смены администрации Трампа и прихода в Белый дом демократов. На сей раз на подготовку документа отводится два года, причем подчеркивалось, что документ не будет содержать перечень возможных противников Евросоюза, что координация оборонных усилий стран ЕС не направлена против отдельных стран – будь то США, Китай или Россия, или организаций, таких как НАТО.

Будет проанализирован объединенный оборонный потенциал стран Европы, который должен использоваться при координации усилий с НАТО, тем самым глава европейской дипломатии подчеркнул, что ЕС «не стремится к военной независимости».

Следует отметить, что анализ объединенного оборонного потенциала европейских стран, представленный на саммите, не был положительным: говорилось о высокой степени разобщенности, о большом разнообразии средств ВМС и ВВС, что осложняет координацию действий. Было принято решение о создании единой для ЕС системы ПВО и ПРО (это в рамках программы PESCO) для отражения угроз нового поколения. Основными действующими игроками в реализации этого проекта станут Франция, Италия, Испания, Нидерланды и Финляндия.

Обращает на себя внимание то, что, заявляя о большей стратегической автономии, лидеры ЕС последовательно и постоянно подчеркивают свою приверженность НАТО, поэтому говорить о создании так называемой «европейской армии», которая являлась бы противовесом или даже конкурентом Североатлантическому альянсу, не приходится. Это важно понимать тем политикам и экспертам в России, которые постоянно делают не имеющие ничего общего с реальностью предположения о том, что Евросоюз станет самостоятельным игроком в области безопасности и обороны и противовесом НАТО в Евро-атлантическом ареале.

Напрашивается вопрос, каким образом разработка «стратегического компаса» ЕС сможет повлиять на будущее трансатлантических отношений? Ответ будет парадоксальным. На состояние этих отношений в значительно большей степени повлияют такие факторы, как смена администрации в Вашингтоне и отход команды Дж. Байдена от философии коммерциализации отношений с союзниками; политика Турции в регионе Ближнего Востока и Южного Кавказа; китайский фактор и смягчение торговых войн между Вашингтоном и Пекином, в обострении которых преуспел 45-й президент США, наконец, последние по месту, но не по значению – взаимоотношения с Россией.

1–2 декабря 2020 г. прошла встреча министров иностранных дел государств – членов НАТО (в online-формате), обсуждались проблемы трансатлантических отношений в связи с приходом новой администрации США. Есть много доказательств того, что европейцы с большой надеждой ожидали результатов выборов в США, понимая, что эти результаты будут иметь прямое воздействие на состояние отношений между США и их европейскими союзниками. В повестке дня встречи значились вопросы, отражающие озабоченность в связи с угрозами, исходящими, по мнению большинства членов Альянса, от Китая и России.

Встреча министров иностранных дел стран участниц НАТО предваряет январский саммит лидеров Альянса, на котором состоится встреча с 46-м президентом США Дж. Байденом и в ходе которого предполагается обсудить как проблемы трансатлантических отношений, так и те вопросы, по которым позиции союзников не совпадают. Среди них, пожалуй, первое место занимают отношения с Китаем, ведь Трамп неоднократно пытался использовать НАТО в своем противостоянии с КНР, а европейские союзники этому противились. Заявление Дж. Байдена о том, что он хочет сделать американо-китайские отношения менее конфронтационными, в случае его реализации может привести к снижению значения китайского фактора в трансатлантических разногласиях.

На встрече был презентован доклад «НАТО-2030: единство в новой эре», авторами которого являются ныне эксперты, а в недавнем прошлом бывший министр обороны ФРГ Т. де Мезьер и бывший помощник госсекретаря США В. Митчелл. Этот факт уже сам по себе интересен, поскольку свидетельствует о координации аналитических усилий представителей Европы (Германии) и США.

Была представлена программа возможного обновления НАТО, состоящая из 138 пунктов. Основной целью реформирования Альянса является совершенствование политического взаимодействия внутри НАТО и ускорение принятия решений. Не вызывает сомнений, что это — определенная реакция на заявление президента Франции Э. Макрона по поводу «смерти мозга НАТО», под коим он имел в виду прекращение стратегических коммуникаций и консультаций лидеров стран — участниц Альянса по важным стратегическим вопросам.

Помимо этого, эксперты предложили ограничить возможность для блокирования решений Альянса со стороны отдельных членов, выработать новые формы взаимодействия, как то: общее обсуждение решений в области безопасности, принимаемых членами Альянса, а также запрещение блокировки решений НАТО по политическим мотивам (примеры: Турция блокировала работу Альянса с Австрией, а Венгрия – с Украиной).

В качестве основных вызовов и угроз в докладе обозначены Китай и Россия. Выдвинуты рекомендации создать «специальные структуры, задачей которых должно стать гарантирование технического доминирования стран НАТО над Китаем и защита государств — членов Альянса от установления Китаем экономического контроля над стратегическими секторами их экономик». Помимо этого, одной из задач НАТО объявляется «недопущение установления Китаем контроля над ключевыми для стран Запада источниками стратегических ресурсов, в том числе нового поколения, в третьих странах, в частности в Африке».

Главной угрозой стратегической безопасности называется Россия: тревогу вызывает наращивание Россией военной мощи, а именно модернизация ядерного потенциала и размещение новых ракет «от Крайнего Севера до Сирии и Ливии», а также усиление российского присутствия в результате кризисов в Нагорном Карабахе и Белоруссии.

РФ выдвигает в адрес Запада в целом и НАТО в частности встречные обвинения, а именно: размещение США ядерного оружия на территориях своих союзников по НАТО - неядерных государств; планы усиления военного присутствия в Черноморском регионе (в НАТО обусловливают эти планы усилением военной группировки в Крыму). Уже после завершения общей встречи глав МИД стран – участниц НАТО командующий вооруженными силами США в Европе генераллейтенант Бен Ходжес высказался за прием Грузии в ПДЧ (план действий по членству - подготовительный этап приема в члены Альянса), аргументируя свою позицию тем, что 80% населения Грузии поддерживают членство своей страны в НАТО, а также, что наиболее важно, стратегическое значение Южного Кавказа, особенно после усиления присутствия там России и Турции в результате очередного обострения Карабахского конфликта.

И хотя Турция является членом НАТО, экспансионистские и не согласованные с союзниками действия президента Эрдогана вызывают крайнюю обеспокоенность внутри Альянса.

Призыв Бена Ходжеса инвестировать в военную инфраструктуру Турции, а именно в строительство глубоководного порта в с. Анаклиа, хотя и не поддержанный на этом этапе Генсеком НАТО Й. Столтенбергом, явно вызывает негативную реакцию Москвы и «подбросит хвороста» в эскалацию информационной войны между Россией и Западом.

Совершенно очевидно, что НАТО и Россия начиная с 2014 г., т.е. после Крыма, существуют в парадигме сдерживания, наращивая военные потенциалы, интенсифицируя военные учения и обвиняя друг друга в нарушении международного права. И пока выхода из этой ситуации не просматривается, поскольку через 30 лет после подписания Парижской хартии, после чудовищной утраты доверия в результате действий с обеих сторон, не просматривается политической воли к поиску ком-

промиссов в целях укрепления безопасности и стабильности в Евро-Атлантическом регионе.

Возвращаясь к теме будущего трансатлантических отношений, необходимо иметь в виду, что разработка новых документов и стратегий как со стороны ЕС, так и со стороны НАТО не может оказать существенного влияния на характер этих отношений. Ведь фундаментальным фактором является осознание Соединенными Штатами и европейскими государствами того, что трансатлантическая солидарность не только соответствует их национальным интересам, но и способствует усилению позиций Запада в условиях турбулентной геополитической обстановки, когда размываются старые полюса, когда возрастает значение трансграничных явлений и мир находится в периоде транзита от одного миропорядка к другому, контуры которого еще не определены, но который будет результатом не одной большой (мировой) войны, как это было ранее, а серии локальных вооруженных конфликтов и гибридных войн.

При анализе настоящего и будущего трансатлантических отношений следует иметь в виду, что ЕС переживает несколько кризисов одновременно: кризис идентичности (что проявилось в ходе пандемии коронавируса), кризис, связанный с состоянием общей геополитической турбулентности, когда так называемая «дуга нестабильности» протянулась с двух направлений – Востока и Юга, что выразилось в нескольких конфликтах (Ближний Восток, Африка, Юго-Восточная Украина), следствием последних явился миграционный кризис. Одновременно наблюдается изменение, а именно снижение роли США в качестве глобальной сверхдержавы, до недавнего времени одной из несущих конструкций миропорядка. В то же время превращение Китая в глобального игрока и конкурента как США, так и Европы вводит в уравнение с двумя известными еще один «неизвестный» элемент. Пока непонятно, как Китай поведет себя в случае обострения противостояния с США, в случае дальнейшего обострения кризиса в отношениях между Западом и Россией, в случае создания так называемой «европейской армии», т.е. относительно независимых и эффективных вооруженных сил объединенной Европы.

Интересным в этой связи представляется, что 4 декабря 2020 г., т.е. уже после окончания встречи глав МИД стран НАТО, Ж. Боррель на ежегодной конференции Европейского оборонного агентства подтвердил необходимость стратегической автономии и оборонных способностей Евросоюза. Усиление политики обороны ЕС – это не роскошь, без которой можно жить, это необходимость. ЕС должен иметь способность действовать автономно, если необходимо. Иными словами, нам надо развивать стратегическую автономию, мы должны усилить оперативную эффективность, гражданские и военные способности, а также наше желание использовать их. Ж. Боррель подчеркнул, что развитие оборонной автономии сообщества в рамках

проекта «Стратегический компас» станет главным делом его мандата. На оборону в ЕС отведено 7 млрд евро на следующие семь лет – это меньше, чем ожидалось, но достаточно, чтобы инвестировать в промышленность. «Вы не можете рассчитывать на автономию, если у вас нет собственной промышленности», - продолжил глава европейской дипломатии. Помимо определения общего видения угроз безопасности ЕС, методов их отражения, в «Стратегический компас» войдут и совместные проекты по разработке инновационных видов вооружений, включая танки нового поколения. Подготовка «Стратегического компаса» должна расширить возможности Европы самостоятельно проводить важные операции без опоры на США и НАТО, где США играют главенствующую роль, если отношения между Брюсселем и Вашингтоном продолжат ухудшаться. В случае потепления отношений ЕС будет рассматривать эти усилия как способ стать более эффективным военным союзником. Реализация совместных военных проектов странами ЕС может сделать европейскую военную технику более конкурентоспособной, по сравнению с американской продукцией, потеснив США в пакете военных заказов стран НАТО.

Обращает на себя внимание и тот факт, что в рамках объявленного реформирования НАТО и в контексте подготовки новой стратегии Евросоюза предполагаются новые инициативы по защите окружающей среды, в борьбе с изменениями климата, в сфере экономики, искусственного интеллекта, т.е. оба евро-атлантических института нацелены не только на решение военных (в случае НАТО) и социально-экономических (в случае ЕС) задач, но и претендуют на роль многопрофильных структур, способных решать проблемы выживания человечества.

Нет никакого сомнения в том, что ЕС и НАТО являются, так сказать, взаимодополняющими институтами, которые играли каждый свою роль в процессе реализации политического проекта «Европейская интеграция»: ЕС выполнял функции социально-экономического инструментария, а НАТО военно-политического инструментария с привязкой США к обороне и безопасности Европейского континента. Поэтому понятно, что состояние трансатлантических отношений будет определяться не только и не столько характером разрабатываемых документов, но и реальным уровнем отношений между США и Европой, причем не только в случае НАТО, но и в рамках ЕС. Д. Трамп, впервые в послевоенной истории взяв курс на ослабление Евросоюза, внутри ЕС делал ставку на тех европейцев, которые безоговорочно поддерживали его и более того, за свои деньги требовали усиления американского присутствия на их территории (прежде всего Польша, но и страны Балтии, в каком-то смысле Румыния). Все это наносило не просто ущерб трансатлантическим отношениям, но и подрывало одну из основ американской мощи, коей всегда являлись отношения с союзниками.

Но Трамп уходит, чего ждали практически все европейские страны, прежде всего их лидеры. Возникает вопрос – а останутся ли в американской военной помощи элементы «трампизма», ведь приход в Белый дом Трампа не был случайностью, а скорее отражал те тенденции, которые вызревали в американском обществе. В трансатлантических отношениях это отрицание атлантической солидарности, базирующейся на ценностных основах, стремление к монетизации отношений, а также к подрыву позиций Евросоюза, являющегося не только союзником, но и, безусловно, конкурентом в сфере экономики. Следует отметить, что все европейские лидеры поздравили Дж. Байдена с победой буквально на следующий день после выборов (так же поступил и Китай) и с нетерпением ждут возвращения демократов, поскольку Байден во всех своих предвыборных выступлениях, касающихся внешней политики, а также уже после окончания выборов неоднократно говорил о необходимости восстановления трансатлантических отношений, обрушенных Трампом.

Проект плана Еврокомиссии по перезапуску отношений с Вашингтоном предполагает завершить период разногласий, которыми был отмечен период президентства Трампа, и направить усилия на сотрудничество в пяти ключевых областях:

- борьба с коронавирусом;
- содействие восстановлению экономики;
- противодействие изменениям климата;
- отстаивание многосторонности и общих ценностей до конца уходящего 2020 г., в этом случае он облегчит проведение дипломатического саммита EC США в начале 2021 г.

Эксперты и политики по обе стороны Атлантики, комментируя проект документа, указывали на то, что даже если отношения между Брюсселем и Вашингтоном и не станут мягкими, по крайней мере они постараются «не мешать друг другу улучшать свои позиции в этом мире». Разногласия скорее всего сохранятся (особенно по вопросам торговли и господства американских ультраправых гигантов, налогообложения и защиты данных), но у них, вероятнее всего, определятся общие подходы, прежде всего к Китаю, по созданию рабочих мест, по вопросам безопасности.

Для России сегодня вопрос стоит следующим образом: нуждается ли она в восстановлении болееменее нормальных отношений с Евро-Атлантикой и с Европой. Сторонники перманентной конфронтации в нашей стране громогласно утверждают, что нет, что РФ самодостаточна и что от изоляции ее спасет Китай и в целом Евразийский вектор. При этом почему-то не принимается во внимание, что и Китай, и все страны Азии хотят выстраивать конструктивные отношения с Европой и США. Ответ автора на этот сакраментальный вопрос может показаться трюизмом: и Россия, и Европа нуждаются друг в друге. Да, они оказались в политическом тупике, что в значительной мере было обусловлено и политикой администрации Д. Трампа.

Но в тупике бесконечно долго существовать нельзя, а политика перманентной конфронтации не соответствует российским национальным интересам, поскольку ведет к снижению роли и места нашей страны в Европе и мире.

Европа также нуждается в выходе из этого тупика, поскольку оказалась зажатой с одной стороны тисками созданной в АТР зоны свободной торговли (14 стран), а с другой – сложными отношениями с заокеанским союзником. Выходы из подобных тупиков зачастую происходили через экономическое сотрудничество. Возможно, именно поэтому в ходе проведенных в ноябре 2020 г. «Потсдамских встреч» впервые серьезно обсуждался вопрос сотрудничества ЕС и ЕАЭС, от чего Европа уклонялась в течение многих лет начиная с 2015 г., несмотря на то что на экспертном уровне и со стороны России, и со стороны ЕС неоднократно предпринимались попытки наладить диалог между этими интеграционными комплексами под предлогом того, что ЕАЭС не является полноценным институтом, сравнимым с Европейским.

На фоне обострения торгово-экономических отношений США и Китая, которые будут, повидимому, смягчены при Байдене, но противоречия не исчезнут, Европа, конечно, заинтересована в создании единого рынка ЕС и ЕАЭС. Российско-американские отношения при демократах, скорее всего, вернутся из парадигмы хаотичной конфронтации, какими они были при Трампе, в парадигму классической конфронтации, когда будут вновь

установлены определенные «правила игры», которые, по крайней мере, приведут к предсказуемости. Иными словами, и Европа, и Россия «обречены» на отношения, в ходе которых необходим поиск общих интересов. А они существуют, как в сфере безопасности, трактуемой в широком смысле, так и в сфере экономики.

В сфере безопасности это: борьба с терроризмом, особенно в регионах Ближнего Востока и в Афганистане; разработка совместных ответов на киберугрозы; восстановление переговорного процесса по контролю над вооружениями (как ядерным, так и обычным); урегулирование конфликта на Юго-Востоке Украины и ряд других.

В области экономики это: реализация проектов по бесперебойным поставкам энергоресурсов из России в Европу; отстаивание собственных интересов при реализации Китаем и США проектов по внедрению в государства постсоветского пространства.

При этом в Евросоюзе для России ключевым партнером является Германия. Имеет смысл подчеркнуть, что, несмотря на драматичное обострение двусторонних отношений в последние один-два года, не следует ожидать того уровня «стратегического партнерства», которое сложилось при демократах, когда канцлером был Г. Шрёдер, а имеет смысл прагматично оценить общие интересы и общие возможности и на основе реалистических оценок начать движение к восстановлению этих отношений

«ОТРАВЛЕНЫ», НО ЖИВЫ. РОССИЙСКО-ГЕРМАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ НА РАСПУТЬЕ

Андрей Белинский,

старший научный сотрудник Отдела проблем европейской безопасности ИНИОН РАН

Аннотация. В статье исследуются причины нынешнего кризиса российско-германских отношений. В начале 1990-х годов российское политическое руководство возлагало большие надежды на европейскую интеграцию страны и стремилось активно развивать сотрудничество с ФРГ, которая была экономическим и политическим лидером ЕС. Именно в это время было подписано соглашение о партнерстве и сотрудничестве, а в 1995 г. Россия была принята в Совет Европы. В свою очередь, объединенная Германия также была заинтересована в налаживании тесных экономических и политических контактов с РФ. В начале президентства В. Путина эта линия на сближение двух стран была продолжена. Россия стала важным поставщиком энергоресурсов для Запада, в то время как ФРГ экспортировала необходимые для российской экономики оборудование и технологии. Все это позволяло некоторым экспертам говорить о стратегическом союзе двух стран. Однако этим надеждам не суждено было сбыться по ряду причин. Во-первых, ни ЕС, ни ФРГ не предложили России конкретную модель европейской интеграции. Во-вторых, стороны по-разному понимали принципы, на которых должен был строиться потенциальный союз. В-третьих, российское руководство крайне болезненно отреагировало на программу «Восточное партнерство» и попытки ФРГ оказывать влияние на политические процессы на постсоветском пространстве. В совокупности все это привело к нынешнему кризису. В конце статьи даются прогнозы относительно дальнейшего развития российско-германских отношений.

Ключевые слова: российско-германские отношения, В. Путин, А. Меркель, ФРГ, Россия, «Северный поток – 2», санкции. Keywords: Russian-German relations; V. Putin; A. Merkel; Federal Republic of Germany; Russia, Nord Stream – 2; sanctions.

Невеселый юбилей

При иных обстоятельствах 2020 г. в российскогерманских отношениях мог бы стать прекрасным поводом для проведения торжественных мероприятий с участием дипломатов, высокопоставленных чиновников, представителей академической науки с обеих сторон. И действительно, на этот год выпало сразу несколько круглых дат, каждая из которых знаменует определенную веху в непростых взаимоотношениях двух стран. В первую очередь речь, конечно, идет о 30-й годовщине объединения ФРГ и ГДР, которое было бы невозможно без согласия

политического руководства Советского Союза. В книге немецких журналистов Х. Швана и Т. Йенса «Наследие. Протоколы Коля», представляющей собой не вошедшие в официальные мемуары канцлера «немецкого единства» размышления о пройденном пути, отставной политик охарактеризовал роль советского генсека в событиях 1989—1990 гг. такими словами: «Если бы Горбачев отдал танкам приказ выдвигаться к Чекпойнт Чарли, то сторонники жесткой линии в Восточном Берлине снова восстановили бы стену».

Но и без этого, безусловно, эпохального события, у обеих стран в этом году было немало памятных дат, заслуживающих самого пристального внимания: 65 лет с момента установления дипломатических отношений ФРГ с СССР (1955), тридцатилетие подписания Московского договора (1970).

Однако та риторика, к которой сегодня прибегают Москва и Берлин на фоне дела Навального, напоминает отнюдь не о времени «разрядки» и прорывах в отношениях обоих государств, а скорее о кризисах холодной войны, когда советские и американские танки стояли в нескольких десятках метров друг от друга в центре Берлина, а Н.С. Хрущев и Дж. Кеннеди в срочном порядке договаривались об урегулировании ракетного кризиса на Кубе.

В ответ на требование министра иностранных дел ФРГ Х. Мааса к российским властям провести тщательное расследование дела А. Навального последовала гневная отповедь главы российского МИДа С. Лаврова, обвинившего Берлин в попытках безосновательно возложить всю ответственность за произошедшее на Россию. За дипломатической «перестрелкой» последовала небольшая «артиллерийская дуэль» в виде принятия новых санкций, которая по своему масштабу хотя и не дотягивала до событий 2014-2015 гг., но и не способствовала улучшению и без того напряженных отношений между двумя странами. 15 октября 2020 г. ЕС ввел санкции против шести российских высокопоставленных чиновников и Государственного научногоисследовательского института органической химии и технологии (ГосНИИОХТ). Готовящийся в настоящий момент зеркальный ответ России предполагает введение аналогичных мер уже против представителей силовых структур ФРГ и Франции.

Как могло получиться, что две страны, еще вчера говорившие о стратегическом партнерстве и

многовековых традициях, сегодня спешат вернуться в уже изрядно поросшие травой и осыпавшиеся окопы холодной войны и развернуть «жерла пушек» в сторону предполагаемого противника? Пока, по счастью, больше в сфере пропаганды и экономики.

В «клубах» разрывов снарядов продолжающихся информационных баталий крайне сложно объективно оценивать ситуацию и давать сколь-нибудь убедительные прогнозы. Чтобы разглядеть контуры будущего диалога Москвы и Берлина, нам необходимо погрузиться в новейшую историю российскогерманских отношений, проанализировать противоречия и проблемы, которые накапливались между двумя странами в последние два десятилетия.

Время надежд. Время разочарований

После окончания холодной войны и распада СССР одной из доминант российской внешней политики в 1990-х годов стало сближение с Западом с перспективой дальнейшей интеграции в структуры Евро-Атлантического сообщества. Особое значение российская дипломатия придавала развитию отношений с ФРГ, которая после объединения с ГДР превратилась из политического карлика в «великую державу поневоле» (Г. Хакке). Надежды на скорый «брак» с Германией подпитывались как быстрым решением ряда проблем во взаимоотношениях между обеими странами (вывод российских войск с территории Восточной Германии, подписание Будапештского меморандума 1994 г.) и установлением тесных экономических взаимосвязей, так и дружескими отношениями, которые установились между канцлером Г. Колем и Б. Ельциным. В 1992 г., выступая на заседании Совета Безопасности ООН, первый российский президент заявил о том, что Запад является не противником, а союзником России, а в долгосрочной перспективе речь может идти и о членстве страны в НАТО.

Правящие круги ФРГ (и Запада в целом) также исходили из того, что рано или поздно Россия интегрируется в евро-атлантические структуры, предварительно проделав «домашнюю работу» (демократизация политической системы, переход к рыночной экономике, развитие гражданского общества). «Будущее России находится в Европе, а не в Азии. Даже если большая часть России географически находится в Азии, с культурной, политической и экономической точки зрения она все же является частью Европы», — написал летом 2000 г. статс-секретарь министерства иностранных дел и многолетний организатор мюнхенской конференции по безопасности Вольфганг Ишингер в респектабельной Frankfurter Allgemeine Zeitung.

Отнюдь не последнее место в стратегических расчетах политиков обеих стран занимали экономические интересы. В то время как германские предприниматели с нескрываемым интересом взи-

рали на Восток, мечтая о получении доступа к огромному рынку сбыта для своих товаров, российское политическое руководство рассчитывало на приток немецких технологий и инвестиций, которые должны были способствовать модернизации промышленности страны и ее быстрой интеграции в мировую экономику.

И действительно, развитие российско- германских отношений в 1990-е годы внушало определенный оптимизм для обеих сторон. 24 июня 1994 г. между Европейским союзом и Россией было подписано всеобъемлющее соглашение о партнерстве и сотрудничестве, которое было призвано расширить контакты. В документе подчеркивалась приверженность РФ и государств - членов ЕС принципам, содержащимся в «...Заключительном акте Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе (СБСЕ), заключительных документах последующих Мадридской и Венской встреч, Документе Боннской конференции СБСЕ по экономическому сотрудничеству, Парижской Хартии для новой Европы и Хельсинкском документе СБСЕ 1992 года "Вызов времени перемен"». Помимо этого, были подробно оговорены принципы торговли, культурного и научного сотрудничества и т.д. А в следующем году при содействии ФРГ произошло вступление РФ в Совет Европы, что лишний раз должно было подчеркнуть европейский вектор российской внешней политики.

И хотя в 1990-е годы российско-германские отношения пережили несколько кризисных ситуаций, как это имело место во время первой чеченской войны 1994—1996 гг. или гражданской войны в Югославии, однако в целом именно в это время была заложена основа для самого широкого сотрудничества во всех сферах.

Победа в 1998 г. на выборах в бундестаг «красно-зеленой» коалиции во главе с Г. Шрёдером, положившая конец 16-летней эпохе «вечного канцлера» Г. Коля, и назначение в 1999 г. В.В. Путина на пост премьер-министра внешне мало что поменяли в диалоге обоих государств. Более того, молодой российский лидер, проживший без малого пять лет в Дрездене и свободно владевший немецким языком, не упускал случая подчеркнуть принадлежность России европейской цивилизации и особую ценность российско-германских отношений. В этом отношении весьма примечательно выступление президента в бундестаге на немецком языке, которое состоялось 2001 г. в ходе его первого официального визита в ФРГ. В нем прозвучали такие слова: «Россия является дружески настроенным, европейским государством». Они были встречены бурными аплодисментами немецких депутатов.

Заинтересованность российский президент проявлял не только к европейской интеграции, но к возможному членству в НАТО. «На вопрос, возможно ли присоединение России к альянсу, и.о. президента ответил: "Почему нет? Я не исключаю такой возможности — в том случае, если с интересами России будут считаться, если она будет

полноправным партнером"», — заявил В. Путин в интервью ВВС в марте 2000~г.

Первоначальные шаги В.В. Путина на международной арене свидетельствовали о готовности страны всячески развивать контакты со Старым Светом и в особенности с Германией, которая все больше стала выступать важным экономическим и политическим партнером России. Со своей стороны, правительство Г. Шрёдера, у которого установились доверительные отношения с российским президентом, заняло достаточно благожелательную позицию в отношении РФ, заслужив в ЕС негласную репутацию российского «адвоката».

Эта позиция нашла свое отражение в отказе от критики российской внешней и внутренней политики, которая периодически раздавалась из рядов оппозиции и некоторых европейских столиц. В частности, Г. Шрёдер счел первые шаги нового президента полностью соответствующими нормам правового государства, а своего коллегу охарактеризовал как реформатора и «чистой воды демократа» (Lupenreiner Demokrat – нем.).

А возникший накануне вторжения США в Ирак в 2003 г. временный альянс между Парижем, Берлином и Москвой, которые единым фронтом выступили против сомнительных действий Вашингтона и его союзников, дал некоторым аналитикам повод даже говорить о начале формирования российско-германского союза. Правда, дальнейшая (пусть и во многом внешняя) нормализация отношений между союзниками по НАТО списала эти преждевременные планы в архив.

Но и без этого 2000-е годы стали достаточно продуктивным периодом в российско-германских отношениях с момента окончания холодной войны. В особенности в сфере экономики. «Экономические отношения, - отмечает немецкий политолог Х. Адомайт, – развивались на базе взаимодополнения. Россия была важна для Германии как поставщик сырья и энергоресурсов, в особенности нефти и газа, в то время как Германия экспортировала в Россию продукцию обрабатывающей промышленности, которая была важна для реорганизации и модернизации российской экономики». 40% экспортируемого из России газа и 20% нефти приходилось на ФРГ. При этом около 6400 немецких фирм открыли свои филиалы в России, тем самым расширяя экономическое сотрудничество.

Однако контакты между двумя странами выходили далеко за рамки взаимовыгодной торговли и инвестиций в экономику. Регулярные встречи между представителями органов законодательной и исполнительной власти, создание многочисленных площадок для обмена мнениями (Петербургский диалог, Немецко-российский форум), финансирование широкомасштабных культурных и научных программ — все это тысячью нитей связывало обе страны, что дало экспертам повод говорить о создании предпосылок для стратегического партнерства между ФРГ и Россией.

Однако пройдет семь-восемь лет — микросекунда по меркам мировой истории — и вчерашние партнеры словно вернулись на полвека назад, в эпоху блоковой конфронтации. Сейчас, наверное, сложно точно сказать, когда была пройдена точка невозврата в российско-германских отношениях. Гораздо важнее понять причины охлаждения между Москвой и Берлином, а если смотреть шире — между Россией и Западом.

Первой из них, безусловно, стал отказ Европы и Германии как политического и экономического лидера Старого Света от интеграции России в евроатлантические структуры, чего не произошло ни в 1990-е, ни в 2000-е годы. Хорст Тельчик, бывший советник канцлера Г. Коля по внешнеполитическим вопросам, в интервью журналу Der Spiegel заявил, что российский президент чувствует себя отторгнутым европейцами, которые совершенно не считались с интересами его страны.

Ни в Соглашении о партнерстве и сотрудничестве от 1994 г., ни в общей стратегии ЕС от 1999 г. не были четко очерчены контуры взаимоотношений между Европой и Россией в XXI столетии. Даже вопросы торговли и утилизации ядерных отходов были более подробно изложены в этих документах, чем политическая повестка. Занятая «перевариванием» наследия ГДР и интеграцией новых членов европейской семьи, ФРГ не сумела (или не захотела) предложить «дорожную карту» партнерства с РФ.

Безусловно, традиционная модель членства в ЕС, которая была вполне приемлема для Польши или Чехии, вряд ли сработала бы в случае с Россией. Претворение в жизнь деголлевской формулы «Европа от Атлантики до Урала» по ряду объективных причин не входило в планы Евросоюза и ФРГ, так же, как и перспектива занимать очередь между Болгарией и Эстонией, попутно получая мелочные указания из Брюсселя, отнюдь не прельщала Москву.

В этом отношении предложенная рядом европейских политиков концепция «привилегированного партнерства» для России при наполнении ее конкретным содержанием (политические консультации, создание структур, координирующих внешнюю политику обеих сторон и т.д.) могла бы стать вполне жизнеспособной альтернативой. Но время для ее реализации в 2000-е годы было безнадежно упущено.

Вторым камнем преткновения на пути к российско-германскому стратегическому партнерству стало разное видение обеими странами принципов его построения. Позицию немецкого истеблишмента в данном вопросе во многом отражает уже упомянутая нами выше статья Ишингера. В представлении Берлина, Россия должна была (безусловно при поддержке ФРГ) претворить в жизнь ряд реформ, направленных на демократизацию политической системы и создание эффективной рыночной экономики. И лишь затем в отдаленном будущем, после того, как она сдаст «экзамен» перед европейским сообществом, может вестись речь о ее возможном членстве в структурах ЕС. «Консолидация демократии, свобода мнения, свобода прессы — вот путь к подлинному гражданскому обществу. Это то, в чем нуждается Россия. Она сама несет ответственность за свое будущее и должна по собственной воле выбрать путь демократических и рыночных реформ», — отмечал немецкий дипломат.

В свою очередь политическое руководство России исходило из того, что в основу диалога между Москвой и Берлином должны быть положены следующие принципы: 1) приоритет конкретных вопросов перед идеологией в духе «Realpolitik»; 2) снижение зависимости Европы от Америки; 3) уважение российских национальных интересов и сфер влияния; 4) привлечение России к выработке политических решений, касающихся всего континента.

Именно этот посыл можно было услышать в выступлении В. Путина в бундестаге в 2001 г., когда он говорил о том «...что Европа твердо и надолго укрепит свою репутацию мощного и действительно самостоятельного центра мировой политики, если она сможет объединить собственные возможности с возможностями российскими – людскими, территориальными и природными ресурсами, с экономическим, культурным и оборонным потенциалом России». Однако он был очевидно не услышан немецкими парламентариями, несмотря на то обстоятельство, что речь российского президента была произнесена на «языке Гёте, Шиллера и Канта».

К нежеланию ФРГ и Европы предложить устраивающий все стороны компромисс добавились односторонние действия НАТО (принятие в альянс семи восточноевропейских государств в 2004 г., решение администрации Дж. Буша – младшего разместить элементы ПРО в Польше и Чехии, переговоры с Украиной и Грузией о возможном членстве в Североатлантическом альянсе), которые создали у российского руководства впечатление, что Запад стремится использовать слабость или уступки со стороны России для наращивания своей мощи и влияния. Эти ноты прозвучали в знаменитой мюнхенской речи российского президента в 2007 г. Со своей стороны, часть немецкого политического истеблишмента и пресса критиковала Россию за недостаточную демократичность и нежелание следовать европейским ценностям.

В президентство Д. Медведева была предпринята еще одна попытка перезагрузить российсконемецкие отношения на основе идеи модернизации экономики РФ с помощью германских технологий и капитала, а также выработки договора о безопасности в Европе. Подобного рода планы были озвучены главой Российского государства в ходе встречи с канцлером ФРГ в Мезеберге в июне 2010 г., однако не получили дальнейшего развития.

Третьей причиной охлаждения между Берлином и Москвой стали противоречия между обеими странами на постсоветском пространстве, которые

были обусловлены как разными стратегическими интересами, так и подходом в выстраивании отношений с возникшими на обломках СССР новыми государствами. Политический истеблишмент и МИД ФРГ исходили из глубокой убежденности в том, что эти страны являются полноправными субъектами международных отношений, а России следует отказаться от проведения «имперской политики» и больше сосредоточиться на решении внутренних проблем. Тот же Ишингер в своей статье писал: «Величие не может быть приравнено к охранной грамоте, дающей право проявлять недостаточное уважение к более слабым странам».

При этом Берлин совершил стратегическую ошибку, полностью упустив из виду то обстоятельство, что в глазах российского руководства постсоветское пространство является сферой национальных интересов, а любые попытки иностранного вмешательства или намеки на таковое воспринимались как действия, глубоко враждебные России. Именно это и обусловило столь резкую реакцию министра иностранных дел С. Лаврова на инициированную Германией программу «Восточное партнерство». Глава российского МИДа заявил, что «...Евросоюз оказывает давление на страны "Восточного партнерства", ставя их перед выбором между Россией и европейской интеграцией». Еще более болезненно Москва восприняла переговоры между ЕС и Украиной о подписании Соглашения об ассоциации осенью 2013 г., чей срыв стал одной из причин Майдана. «"Наша честолюбивая политика Восточного партнерства не сопровождалась честолюбивой и обоюдно выгодной политикой в отношении России", - заявил Штефан Фюле, еврокомиссар по вопросам расширения политики добрососедства с 2010 по 2014 г. – Мы не смогли выработать соответствующую политику, чтобы вступить в диалог с Россией». Несмотря на тесные экономические, торговые и культурные контакты, с политической точки зрения Россия и ФРГ все же оставались разнопольными слонами на мировой шахматной доске.

Следствием растущего охлаждения отношений между Москвой и Берлином, вызванного разочарованием сторон относительно перспектив российско-германского альянса, стала постепенная переориентация России на евразийскую интеграцию и потенциальный союз с Китаем. Можно ли утверждать, что эти противоречия проторили дорогу к нынешнему достаточно мизерабельному состоянию российско-германских отношений? Ответить однозначно на этот вопрос будет достаточно непросто. Даже появление ноток холода в диалоге Москвы и Берлина оставляло обеим сторонам достаточно пространства для дипломатических маневров. Однако начавшееся зимой 2014 г. инферно украинского кризиса развело обе страны по разные стороны баррикад, а любой громкий инцидент лишь подливал масла в огонь.

В условиях сохраняющейся конфронтации между Россией и Западом дальнейшая судьба российско-немецких отношений на сегодняшний день

выглядит туманно, если не сказать пессимистично. Однако и здесь возможны несколько вариантов развития событий, которые будут зависеть от множества переменных (внутриполитическая динамика, ситуация в Сирии и Украине, политика новой администрации США и т.д.).

Три пути

И хотя нынешняя система международных отношений из-за своей разбалансированности все больше напоминает уравнение со множеством неизвестных, тем не менее можно выделить три возможных сценария того, как будет складываться диалог Берлина и Москвы.

Schluss mit Druschba?

Именно под таким заголовком вышла статья немецкого журнала Сісего, посвященная последнему кризису в отношениях между обеими странами. «В сентябре 2020 г. Берлин принял основополагающее решение в немецкой внешней политике: Германия больше не будет проводить в отношении России особую политику. Больше не будут предприниматься попытки понять мотивы другой стороны, добиться взаимного понимания или по крайней мере совместной работы».

В пользу подобного сценария свидетельствует крайне резкая реакция значительной части «грандов» правящей ХДС на дело А. Навального. Так, один из главных претендентов на пост председателя партии Фридрих Мерц потребовал на два года заморозить строительство «Северного потока – 2», а его коллега Норберт Ретген возложил ответственность за произошедшее на российские власти. В случае победы «атлантистов» после ухода А. Меркель с поста канцлера ФРГ может занять более жесткую позицию в отношении России. Эксперт близкого к правительству фонда «Наука и политика» С. Фишер отмечает, что немецкая элита глубоко разочарована действиями России и вынуждена «...пересмотреть базовые принципы, лежавшие в основе политики Берлина на российском направлении – прежде всего тот, что гласил, будто сближение двух стран на основе общих ценностей возможно». Однако вероятность такого сценария, на наш взгляд, относительно невелика, хотя при определенных обстоятельствах он может воплотиться в жизнь.

Неустойчивый статус-кво

В настоящий момент наиболее вероятным является сценарий сохранения неустойчивого статус-кво, который предполагает «похолодание» в политических отношениях при сохранении экономических связей с возможностью сотрудничества по ряду вопросов.

В пользу реалистичности этого варианта свидетельствуют по меньшей мере четыре фактора. Во-первых, несмотря на первоначально жесткую реакцию немецких политиков на отравление российского оппозиционера ФРГ ни приостановила строительство «Северного потока – 2», ни ввела запрет на поставки технологий и оборудования, ограничившись санкциями против нескольких российских высокопоставленных чиновников и научного института. Во-вторых, для немецкой внешней политики вне зависимости от того, представитель какой политической партии возглавляет правительство, традиционно характерны преемственность и стремление избегать радикальных шагов. В-третьих, многочисленные экономические, торговые и культурные связи между обеими странами могут стать тем «якорем», который удержит корабль российско-германских отношений от ухода в бурное море конфликтов. Кроме того, нужно учитывать, что и в бизнесе, и в политике есть немало сторонников сохранения тесных связей с Россией.

И, наконец, в-четвертых, ввод новых санкций или сворачивание таких крупных экономических проектов как «Северный поток — 2» может еще больше оттолкнуть Россию от Запада. Даже такой убежденный «атлантист», как В. Ишингер, полагает, что санкции не достигнут своей цели и только усилят конфронтацию.

Новая разрядка

Этот сценарий на сегодняшний день кажется фантастическим и наименее вероятным. Однако полностью списывать его со счетов не стоит, даже если сегодняшний прогноз политической погоды не предполагает наступление в ближайшее время «оттепели» в российско-германских отношениях. Что же может стать основой для новой перезагрузки в отношениях между Москвой и Берлином? Думается, что таковая возможна на базе: а) урегулирования (пусть и частично) нынешнего кризиса, б) сотрудничества в вопросах безопасности, которые затрагивают интересы и ФРГ, и России (иранская ядерная программа, ситуация на Ближнем Востоке, выработка нового договора о контроле над вооружениями и т.д.).

История знает немало примеров, когда вчерашние непримиримые противники садились за стол переговоров, чтобы мирным путем урегулировать застарелые проблемы. В конце концов разрядке 1970-х годов предшествовал Карибский кризис 1962 г. и ввод войск ОВД в Чехословакию в 1968 г., а новому политическому мышлению — афганская война и частоколы ядерных ракет в центре Европы. И, возможно тогда гордиев узел противоречий в отношениях РФ и ФРГ превратится в клубок Ариадны, который выведет наши страны из нынешнего тупика.

ПРАВОРАДИКАЛЬНЫЕ ПАРТИИ В ЧЕШСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ И СЛОВАКИИ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

Юлия Щербакова,

старший научный сотрудник Отдела Европы и Америки ИНИОН РАН

Аннотация. В статье рассматриваются современные праворадикальные партии Чешской и Словацкой Республик. На основе анализа их программных и идеологических установок выявляются особые и общие черты этих политических субъектов.

Ключевые слова: Словацкая национальная партия; «Народная партия — Наша Словакия»; «Объединение за Республику — Республиканская партия Чехословакии»; Рабочая партия; Рабочая партия социальной справедливости.

Keywords: Slovak National Party; People's Party – Our Slovakia; Unification for the Republic – Republican Party of Czechoslovakia; Workers' Party; Workers' Party of Social Justice.

Партийные структуры современных Чешской Республики и Словацкой Республики характеризуются заметным разнообразием. При всех различиях партийно-политических систем этих двух стран в обеих наличествуют партии, характеризуемые как праворадикальные.

На протяжении практически всего периода после «бархатной революции» 1989 г. устойчивым элементом словацкой партийно-политической системы является Словацкая национальная партия (СНП). Эта партия позиционирует себя защитницей словацких национальных интересов и выступает с резкой критикой национальных меньшинств и, прежде всего, венгерского.

СНП была официально зарегистрирована Министерством внутренних дел Словакии 7 марта 1990 г. Она провозгласила себя наследницей Словацкой национальной партии, созданной в 1871 г. Главной своей целью считала защиту национальной идентичности, интересов и самого существования словацкого народа. В начале 1990-х годов активно выступала за образование независимого словацкого государства, за выход Словакии из состава Чехословацкой федерации. Затем сосредоточила свои усилия на борьбе с потенциальной угрозой ирредентизма со стороны венгерского национального меньшинства, проживающего в Южной Словакии. По результатам выборов в чехословацкий парламент в 1990 г., партия получила 13,9% голосов избирателей и 22 места в Словацком национальном совете. После выборов в 1992 г. она вошла в парламент и стала вместе с ДЗДС членом правительственной коалиции, получив посты двух вице-премьеров и министра образования.

Досрочные выборы 1994 г. принесли партии только 5,4% голосов и девять депутатских мандатов. СНП опять заключила с ДЗДС коалиционное соглашение, и ее представители возглавили министерства образования и обороны. В 1994–1998 гг. партия выдвигала требования ограничить права национальных меньшинств в Словакии, выступала против вступления страны в НАТО и требовала отменить запрет на смертную казнь. В выборах 1998 г. СНП получила 9,1% голосов избирателей и 14 мест в парламенте. В связи с ее антивенгерской политикой ей не было предложено участвовать в правительственной коалиции. Перейдя в ряды оппозиции, партия резко критиковала действия правительства.

С точки зрения успехов на выборах, представительства в словацком парламенте, участия в органах исполнительной власти Словацкая национальная партия является самым значимым субъектом в секторе праворадикальных словацких политических сил. С момента своего возникновения в 1990 г. первоначально на политической сцене Чехословакии, а затем и в рамках независимого словацкого государства СНП играла значимую роль. Как уже отмечалось выше, СНП являлась членом многих правительственных коалиций. В 1990—2007 гг. в Словакии сменилось пять правительств, и ее представители трижды становились их членами.

СНП, как ни одна партия в Словакии, выступает с резкой критикой национальных меньшинств, и прежде всего венгерского. В программных документах СНП содержится критика национальной политики правительства М. Дзуринды, и особенно одного из членов правительственной коалиции -Партии венгерской коалиции (ПВК), и утверждается, что правительство проводит мадьярофильскую политику, которая формулируется исключительно представителями ПВК. «СНП обращает внимание на то, что при посредничестве своей партии и заместителя председателя правительства по правам человека и национальным меньшинствам П. Чаки, представители ПВК – этнические венгры – заняли все места в отделе национальных культур Министерства культуры СР и отделе национальных школ Министерства образования СР. Таким образом в Словакии на протяжении восьми лет осуществлялась политика дискриминации потребностей остальных национальных меньшинств, проживающих на ее территории». СНП также утверждала, что Партия венгерской коалиции и правительство Венгрии, выступая за признание недействительными послевоенных декретов Бенеша о выселении венгров, используют вопрос о правах национальных меньшинств для пересмотра результатов Второй мировой войны.

Помимо выраженной антимадьярской позиции СНП обращалась к национально ориентированному словацкому избирателю, опасающемуся ирредентистских настроений словацких венгров, с критикой «аморальных» явлений в обществе, таких как гомосексуализм, педофилия или проституция. СНП также выдвигала требования создания «словацкого правительства» без представителей венгерского национального меньшинства и запрета Партии венгерской коалиции.

В отличие от большинства праворадикальных партий, выступающих с критикой членства их стран в НАТО, СНП в настоящее время не против участия Словакии в этой организации. Она также поддерживает членство СР в ЕС и европейскую интеграцию на базе национальных государств.

С начала 90-х годов XX в. на словацкой праворадикальной политической сцене выступали несколько маргинальных ультранационалистических акторов. Речь идет о Словацкой народной партии (СНаП) и о партии «Словацкое народное единство» (СНЕ). Их результаты на парламентских выборах колебались в рамках десятых долей процента. В последнее время их активность значительно снизилась.

С недавнего времени в словацком парламенте заседают представители еще одной словацкой крайне правой «Народной партии – Наша Словакия» (НПНС), с ноября 2015 г. «Котлебовцы – Народная партия Наша Словакия» (далее – «Котлебовцы»). Партия была создана в 2009 г. ультраправым политиком неонацистского толка Марианом Котлебой (Marian Kotleba), заявляет о себе как о наследнице Глинковой словацкой народной партии времен Первой Словацкой республики.

Организует массовые политические кампании: антицыганского, антииммигрантского, антиисламского характера, апеллируя к защите словацкой национальной идентичности и защите традиционных христианских ценностей. Эта политическая организация, которая входит в ядро экстремистских сил, получала на выборах в Национальный совет (2010, 2012) каждый раз голоса около 40 тыс. избирателей. В ее возникновении важную роль сыграли представители другой организации — правоэкстремистского гражданского объединения «Словацкое единство» На протяжении более чем двух десятилетий оно являлось символом словацкого правого экстремизма и во многом способствовало формированию его нынешнего образа.

Как уже отмечалось выше, «Народная партия — Наша Словакия» возникла на платформе другой словацкой праворадикальной партии — «Словацкое единство». Для того чтобы успешно пройти регистрацию в качестве политической партии в министерстве внутренних дел, партия использовала фиктивное объединение с Партией любителей вина и, утвердившись в качестве политической организации, приняла участие в словацких парламентских выборах 2010, 2012, 2016 гг.

Хотя в первых двух выборных кампаниях партия показала результаты, намного превосходившие достижения других ультранационалистических субъектов, однако они не были достаточными для ее закрепления в парламенте: 2010 г. – 1,33%; 2012 – 1,58%. И только полученные ею в 2016 г. 8,04% позволили партии, преодолев 5%-ный барьер, войти в словацкий парламент.

НПНС представляет себя как «народную, социальную, христианскую». В этом она не оригинальна. Многие политические партии и политики радикального, националистического толка не только в Словакии утверждают, что их политическая программа основывается на этих трех принципах.

Представители этой политической организации используют любой повод, чтобы выступить с критикой Европейского союза и НАТО и с осуждением словацкого членства в этих организациях.

«Котлебовцы» используют антицыганские настроения, существующие в обществе и возникающие на их почве конфликты для того, чтобы подчеркнуть, что партия имеет простые решения «цыганского вопроса». М. Котлеба заявил, что деньги, которые получит партия за участие в выборах, она потратит на организацию и обучение отрядов самообороны, создаваемых в местах компактного проживания цыган и призванных бороться с «цыганским беспределом». Партия обвиняет государство в том, что проводимая им социальная политика позволяет цыганским семьям использовать рождение детей в качестве средства для повышения собственного благосостояния. «Цыганский вопрос» используется партией в качестве инструмента привлечения на свою сторону избирателей.

Секрет притягательности праворадикальной националистической партии кроется еще и в том, что она положительно оценивает словацкое государство 1939–1945 гг. и считает его образцом независимой словацкой государственности, отрицая его марионеточный, фашистский характер, однако указывая на то, что оно было авторитарным. Пропагандируемые ею антисемитские взгляды опираются на людацкую идеологию межвоенной Словакии.

Важное место в программных внешнеполитических установках партии занимает критика сионизма и Израиля. В них сионизм приравнивается к тоталитарным идеологиям.

И хотя в словацком обществе этнические словаки составляют более 85% населения страны, национальные меньшинства, проживающие на территории Словакии, рассматриваются представителями словацких радикалов как группы риска, создающие внутриполитические и внешнеполитические проблемы. Прежде всего, речь идет о венгерском и цыганском национальных меньшинствах. Венгерское национальное меньшинство, компактно проживающее в южных районах Словакии (9,7% населения страны), вызывает у словацких радикалов особые опасения, обусловленные не только компактностью проживания на юге Словакии, в непосредственной близости от границ с Венгрией, но и их лингвистической обособленностью и ярко выраженной этнической самоидентификацией.

Определенная часть словацкой общественности воспринимает компактное проживание венгерского меньшинства на юге Словакии как потенциальную угрозу существованию своего государства. По результатам опроса, проведенного социологической службой «Фокус» в 1995–1996 гг., 34% респондентов словацкой национальности предполагали, что «тайной целью большинства венгров, живущих в Словакии, является изменение границ и присоединение южных областей Словакии к Венгрии».

Неотъемлемой частью взглядов представителей словацких правых является конспирологическое восприятие реальности. Их пропагандистские и публицистические материалы полны рассуждений о тайных механизмах, с помощью которых различные группы пытаются установить свое господство в мире и в Словакии, поработить или ликвидировать народы, в том числе и словаков. Прежде всего это «евробюрократы» и ЕС в целом, евреи, сионисты, масоны, американцы, Государство Израиль, агенты «либерального Запада», которые вредят Словакии и словакам. Общим для всех этих рассуждений является представление, что развитие Словакии после 1989 г. определяется тайными механизмами чуждого влияния.

Для «Народной партии – Наша Словакия» характерна антииммигрантская и антиисламская риторика. Свое отрицательное отношение к мигрантам она объясняет стремлением «сохранить Европу европейской и христианской». В период обострения миграционного кризиса в 2015–2016 гг. она обвиняла ЕС в стремлении изменить традиционный облик Европы и нанести вред малым европейским народам. «Содержание программы партии "Народная партия - Наша Словакия", персональный состав ее руководства, уровень профессионализма, послевыборная активность подтверждают тот факт, что этот политический субъект не намерен следовать стандартным способам реализации политических решений, а является силой, ориентированной на упразднение существующей политической системы». Как отмечали словацкие аналитики, «не существует предпосылок, чтобы современные "Котлебовцы" интегрировались в существующую демократическую систему и стали ее частью». Ее дальнейшей существование представлялось авторам возможным в качестве внесистемного субъекта».

Тем не менее, приняв участие в выборах в Европарламент в мае 2019 г., партия набрала 12,07%

голосов и получила два места. У нее были все основания, о чем свидетельствовали данные социологических опросов, закрепить свой успех на словацких парламентских выборах в феврале 2020 г. Поддержка словацкого общества, особенно молодежи, на уровне 12-13% позволила бы ей пройти в парламент с третьим результатом. Но этого не произошло. В ходе избирательной кампании большинство словацких партий критиковали ее, а некоторые политики называли «фашистской». Консолидированная позиция игнорирования «Котлебовцев» субъектами словацкой политической сцены, массированная антикотлебовская пропаганда ослабили ее популярность, вследствие чего партия практически повторила свой результат 2016 г. и получила на выборах 7,97% голосов избирателей.

Особенностью словацкого правого радикализма можно считать его националистический характер. Радикальный национализм в словацких условиях «запоздалого» строительства государственности рассматривается многими политическими акторами как естественная составная часть политической идентичности.

Чешские праворадикальные партии не имеют особой мотивации подчеркивать в своем названии национальный момент - они не считают себя дискриминированными по национальному признаку. Их историческими предшественниками являлись чешские фашистские организации. Возникновение чешского фашизма связано с Моравией и с личностью журналиста Роберта Маха, который в 1922 г. начал выпуск журнала «Ганацкая республика», позднее переименованного в «Народную республику». Тогда речь шла о первых группировках чешских фашистов, которые использовали термин «красно-белые». Слово «фашизм» еще не фигурировало непосредственно в их названиях. Постепенно определения уточнялись, и к концу 1922 г. выкристаллизовалась формулировка «чешские фашисты».

В идеологии чешского фашизма был сильно выражен социальный компонент — критика таких проблем общества, как безработица, кризисные явления в экономике, различия в социально-экономическом положении отдельных слоев населения.

Рост влияния современных крайне правых в чешском обществе и в политике начался после 1989 г. Перейдя этот рубеж, означавший слом старой системы, Центральная Европа была вовлечена в сложные процессы политических и экономических преобразований, а также развития и укрепления демократии. Крайне правые политические течения в своей деятельности опирались на определенное недовольство жителей Центральной Европы, которое находило свое отражение в увеличении числа сторонников популизма или национального шовинизма. Свою роль сыграл также исторический опыт развития до 1945 г. Конечно, в идеологии современных крайне правых все чаще появляются такие темы, как критика исламизма, мультикультурализма, глобализации, капитализма. Эти новые темы в некотором смысле определили их отход от фашистской и нацистской идеологии.

В программах чешских правых радикалов особое значение придается соблюдению законности и правопорядка, содержатся элементы социального популизма, этнизируются социальные и криминальные проблемы (особенно по отношению к цыганам), содержатся критика постмодернистских транснациональных политических структур и структур безопасности (с требованием выхода из НАТО), а также элементы ксенофобии, расизма и антисемитизма. Как и в других странах Центральной и Восточной Европы, в Чехословакии (после 1993 г. в Чешской Республике) происходили сложные процессы политических и экономических преобразований, а также укрепления демократических принципов. Адаптация к этим процессам у многих граждан Чешской Республики зачастую вызывала серьезные проблемы, чем стремились воспользоваться крайне правые политические партии, которые позиционировали себя как альтернативные существующему режиму, но при этом не коммунистические политические партии. Для чешской ультраправой сцены постноябрьского периода является типичным поиск сильного политического субъекта, который смог бы добиться успеха на парламентских выборах. Наиболее серьезными представителями этого течения являются партия «Объединение за Республику – Республиканская партия Чехословакии» (ОЗР - РПЧ); Рабочая партия (РП) и Рабочая партия социальной справедливости (РПСС).

Партия ОЗР – РПЧ во главе с Мирославом Сладеком возникла на всплеске бытового национализма (прежде всего антицыганского) в начале 1990-х. Шовинистическая, антикоммунистическая, но прежде всего – антиреформаторская волна вынесла в большую политику популиста Сладека и его сторонников. Цель республиканцев, по их заявлениям, состояла в том, чтобы «совершенно по-новому организовать порядки и жизнь в государстве в соответствии с национальными и патриотическими чувствами». Практическая же деятельность партии характеризовалась двумя особенностями: критикой существующих порядков вплоть до отказа в легитимности власти и резкой антицыганской и антинемецкой направленностью. О необходимости «окончательного решения вопроса не интегрируемых этнических групп», к которым радикалы относят цыганское население, говорилось и в официальной программе партии. Антицыганские высказывания Сладека сделали его популярным в чешском обществе. В программе партии критиковались «американизация» общественной жизни, постмодернистские ценности и мультикультурализм, проповедовались антикоммунизм и изоляционизм во внешней политике. В 1992–1998 гг. ОЗР – РПЧ была представлена в чешском парламенте.

В своих выступлениях Сладек использовал классический популистский словарь, указывая на сотрудничество элит, старой коммунистической и новой буржуазной, на нежелание власти бороться

с коммунистическим прошлым, на ее коррумпированность, преклонение перед иностранцами, особенно перед немцами.

В программе партии большое внимание уделялось критике негативных явлений в области экономики, сопровождающих преобразования, таких как крах ряда частных банков или нарушения в ходе приватизации некоторых государственных предприятий. Также предлагалось зафиксировать в Конституции величину налогов (и отменить прогрессивное налогообложение) и провести по вопросам налогообложения референдум. Ксенофобия в сочетании с намерениями представить себя как «партию порядка» наиболее ярко проявлялась по отношению к цыганам. Партия предложила снизить возраст уголовной ответственности у цыган до десяти лет, пересмотреть правомерность назначения цыганам социальных пособий и пенсий по инвалидности, а также первоочередного предоставления им квартир, и законность существования цыганских политических партий. В программе вышеназванной партии мы можем также найти пункты о профессионализации армии, об укреплении национального суверенитета и критику членства в ЕС и НАТО. После ноябрьской революции 1989 г. республиканцы выступали за присоединение Закарпатской Украины к Чехословакии (позднее - к Чешской Республике), против раздела Чехословакии. В их программе содержались положения о прямых выборах президента, о бесплатном образовании и инвестициях в развитие сельских районов и в строительство жилья. Партия поддерживала сокращение на 30% государственного аппарата и упразднение Сената. В сфере культуры она выступала за восстановление национальной гордости (ссылаясь на гуситские традиции), в области охраны окружающей среды – против строительства тепловых электростанций. ОЗР – РПЧ с 1990 по 2010 г. принимала участие в выборах на общегосударственном и региональном уровнях. На выборах в Федеральное собрание Чехословакии в 1990 г. она получила 1% голосов избирателей. В 1992 г. – 6,5%, что позволило ей занять 14 мест в Федеральном собрании и 14 – в Чешском национальном Совете. Причины роста ее популярности следует искать в том, что партия выступала категорически против раздела Чехословакии. На выборах 1996 г. она получила 8,1% и 18 мест в Палате депутатов чешского парламента. На досрочных парламентских выборах 1998 г. партия значительно снизила свои показатели и получила всего 3,8% голосов. В то же время на выборах в местные органы власти 2000 г. ее представители заняли около 100 депутатских мест. Республиканская партия участвовала также дважды (2004, 2009) в выборах в Европейский парламент, каждый раз набирая менее 1% голосов и не получая ни одного места.

После 1998 г. партия стала утрачивать свое влияние, снизила политическую активность и постепенно маргинализировалась. По решению Конституционного суда в 2013 г. она была запрещена и

ЕВРОПЕЙСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ: СОБЫТИЯ, ОЦЕНКИ, ПРОГНОЗЫ

распущена. Вновь эта партия с несколько измененным названием — Объединение за республику — Республиканская партия Чехословакии 2016, с прежним лидером и прежней программой появилась на чешской политической сцене в 2016 г. С помощью этого проекта Мирослав Сладек, который трижды баллотировался на пост президента, пытается вернуться к политической деятельности.

Во второй половине 2000-х годов в Чехии на крайне правом фланге появился еще один политический субъект – Рабочая партия (РП), заявившая о своей принципиальной антисистемности. Она пользовалась прозрачными отсылками к неонацизму (в символике, в программных текстах). Партия делала акцент на публичных акциях и привлечении молодежи. Идеология партии представляла собой характерную для европейских «новых правых» смесь крайнего евроскептицизма, тезисов о губительности мультикультурализма и при этом левой риторики в экономических вопросах. В то же время партия отрицала возможность сотрудничества с коммунистами, относя их к «системным» партиям. РП была распущена по решению суда в 2010 г. Ее наследницей объявила себя Рабочая партия социальной справедливости (РПСС). РПСС праворадикальная чешская непарламентская националистическая партия, которая возникла в январе 2004 г. Тогда она называлась Партия граждан Республики Чешской. 14 сентября 2005 г. была переименована и стала называться Демократическая партия социальной справедливости.

Не желая повторить путь Рабочей партии и стремясь избежать запрета, РПСС пытается дистанцироваться от тоталитарных идеологий, в том числе от нацизма. Основным пунктом ее программы является борьба с безработицей. Партия резко выступает против гомосексуальных браков, против членства Чешской Республики в ЕС и НАТО.

Подводя некоторые итоги, отметим, что словацкие праворадикальные партии, как это следует из проведенного анализа, базируются на националистической идеологии, активно используя вопросы укрепления словацкой идентичности и государственности на фоне национальных меньшинств, само существование которых вызывает опасения у словацкого общества. Словацкие правые радикалы отмечают, что власти не в состоянии решать возникающие на национальной почве проблемы. В центре идеологических установок чешских праворадикальных партий лежат вопросы социальноэкономического развития страны. Чешские правые радикалы также выступают с критикой властей, обвиняя их в неспособности устранять недостатки, возникающие в экономической и социальной сферах.

Словацкие и чешские правые радикалы, несмотря на различия в идеологических основах, опираются на схожую электоральную базу. Среди их сторонников преобладают молодые мужчины без высшего образования, впервые принимающие участие в голосовании, проживающие в небольших населенных пунктах. Электорат этих партий нестабилен. Их избиратели, повзрослев, становятся сторонниками других политических партий.

ОСВЕЩЕНИЕ БЕЛОРУССКИХ ПРОТЕСТОВ В РОССИЙСКИХ И АНГЛОЯЗЫЧНЫХ СМИ

Дарья Булдакова,

младший научный сотрудник Отдела проблем европейской безопасности ИНИОН РАН

Аннотация. В статье предпринята попытка анализа протестов в Республике Беларусь российскими и англоязычными средствами массовой информации. Рассматривается подача материалов в СМИ не только семантическая, но и смысловая: чему внимание уделено, а о чем, напротив, авторы предпочли умолчать. Делается вывод, что даже те СМИ, которые не поддерживают протестующих, не всегда рискуют при этом оказывать поддержку А.Г. Лукашенко лично. Интерес эта тема - как для российских, так и для англоязычных СМИ - представляет главным образом потому, что Беларусь - страна, которая тесно связана с Россией; следовательно, в материалах о Беларуси СМИ по большей части рассказывается о противоречиях между Россией и Западом. Что же касается Российской Федерации, то в статьях на обоих языках подчеркивается: для руководства РФ эта ситуация довольно неоднозначна, однако все-таки было принято решение оказать тем или иным образом поддержку Лукашенко: за десятилетия взаимодействия РФ и РБ по отношению к Лукашенко была выработана определенная стратегия поведения, и поэтому уже более-менее ясно, что от действующего белорусского президента можно ожидать чего угодно.

Ключевые слова: средства массовой информации; президентские выборы в Республике Беларусь — 2020; оппозиция; протесты; А.Г. Лукашенко; С.Г. Тихановская; силовые структуры; Российская Федерация; Запад.

Keywords: mass media; presidential elections in the Republic of Belarus-2020; the opposition; the protests; A.G. Lukashenko; S.G. Tikhanovskaya; security ministries; Russian Federation; the West.

Российские СМИ

Сразу после начала протестов, 11.08.2020, вышел материал на официальном сайте Первого канала (видеозапись, под ней — ее расшифровка), авторы которого определенно выказывают поддержку А.Г. Лукашенко. Уже в заголовке делается акцент на том, что акции протеста не санкционированы официальными властями, в самом тексте содержится бесспорное утверждение о победе на выборах Лукашенко, сотрудники силовых структур именуются правоохранителями и стражами порядка, а протестующие — толпой.

Уделяется много внимания насилию со стороны протестующих в адрес силовиков; более того, согласно материалу, его начали именно протестующие: «[...] в ответ в милиционеров полетели бутылки с зажигательной смесью и файеры», «[...] немало

агрессивно настроенных молодых людей, которые нападали на стражей порядка», «Следственный комитет республики возбудил более двадцати уголовных дел по факту массовых беспорядков и нападений на милиционеров». Число пострадавших протестующих не называется — указывается только, что они есть (при этом говорится только о пострадавших среди задержанных, а не протестующих в целом). Авторы упоминают об одном погибшем, однако в том же предложении протесты вновь названы несанкционированными; также со ссылкой на пресс-секретаря МВД Беларуси сообщается, что погиб протестующий при попытке бросить в сотрудников спецназа самодельное взрывное устройство.

Далее авторы уделяют внимание задержаниям во время акций протеста российских журналистов. Они сообщают, что последних вызволяют дипломаты посольства РФ в Беларуси, что некоторые уже вернулись в Москву (но с установленным пятилетним запретом на въезд в Беларусь), а также — что, по словам официального представителя МИД РФ М.В. Захаровой, некоторым российским журналистам не была своевременно предоставлена аккредитация [которая де-юре дает им право беспрепятственно освещать события. — \mathcal{J} . \mathcal{L} .

другом репортаже Первого канала от 23.08.2020 (видеозапись, под ней – ее расшифровка) автор делает упор на аналитику, а также расставляет акценты иначе: протестующие выставлены скорее жертвами провокаторов (то есть – оппозиционных каналов в Telegram), нежели агрессорами. Так, сообщается, что через оппозиционные каналы распространяются фейк-ньюс; в пример приводится маленькая девочка, якобы избитая ОМОНом, в то время как на самом деле ее родители попали в ДТП. Автор приводит комментарий Лукашенко по этому поводу: «А что оказалось на самом деле? Хорошо, спасибо тому отцу, который нашел мужество и честно сказал: "Господь с вами, никакой ОМОН меня не избивал – мы попали в ДТП". Спасибо ему огромное, мужественный человек. И эти фейки все время наводняют наш эфир».

По мнению автора, без провокаторов (а может быть, и с ними тоже) протесты в Беларуси ни к чему толковому не приведут. Согласно используемой в репортаже цитате сопредседателя белорусско-российской гражданской инициативы «Союз» С. Бышока, «"белорусская забастовка" – это, когда вы объявляете забастовку, но небольшая часть людей выходит и протестует, встречается друг с

другом, а большая часть продолжает работать и на самом деле продолжается ваша экономическая деятельность». Связывается это с тем, что белорусский народ в большинстве своем понимает: экономика страны не должна зависеть от политической обстановки. Впрочем, практически сразу же после этого сообщается, что Лукашенко лично предложил остановить бастующие предприятия, сказав, что «страна переживет».

Дабы акцентировать наивность участвующих в протестах белорусов, автор репортажа касается и Украины. Подчеркивая, что «от минской площади Независимости до киевского майдана Незалежности — целая пропасть», автор приводит в пример высказывания некоторых белорусских протестующих, которые говорят, что белорусы народ мирный и что второго «майдана» не будет, — однако сразу же после этого сообщает о фейках, которые распространяют оппозиционные каналы, и о том, что большинство рабочих от участия в протестах все же воздерживаются.

Не забывает автор упомянуть и о том, что лидеры протеста рассчитывают на помощь из-за рубежа, а еще дает понять, что С.Г. Тихановская — фигура малозначительная, речи она читает по бумажке и не может дать конкретные ответы на прямые вопросы; даже ЕС дал понять, что «президентом в изгнании ее не считают».

Касается автор и российского вопроса, причем говорит о вещах друг другу противоречащих. В начале репортажа сообщается, что «на митингах практически нет антироссийских лозунгов», ведь в Беларуси к России относятся с симпатией (потому что эти страны тесно связаны экономически), однако в конце высказывается следующая мысль: «Документ под названием "Реанимационный пакет реформ" был опубликован на одном из оппозиционных ресурсов, а затем удален, но, как говорится, слово не воробей. Текст остался в интернете. В числе угроз для Белоруссии называются "агрессивная политика Кремля и доминирование русского языка". По мнению авторов документа, необходимо как можно скорее выйти из Союзного государства и других организаций с участием России. А также строить белорусскую армию по стандартам НАТО».

На сайте информационного агентства Regnum опубликована по большей части лояльная к белорусским протестам статья — «Как найти выход из политического кризиса в Белоруссии?». В аннотации к ней автор Ю. Баранчик сообщает, что кроме новых, абсолютно прозрачных президентских выборов, которые будут контролироваться как национальными, так и международными наблюдателями, «выбора особо никакого и нет».

Претензии протестующей части белорусского общества автор однозначно называет обоснованными. Аргументирует он это следующим образом: во-первых, итоговые цифры, озвученные ЦИК, не соотносятся с официальными данными из участковых протоколов (по меньшей мере 30% избира-

тельных участков); во-вторых, у белорусского общества отсутствуют данные по остальным участкам, и если бы они подтверждали однозначную победу Лукашенко, то не было бы причин их не публиковать.

Однако отдельно автор подчеркивает, что речь в статье идет не о победе Тихановской, а лишь о различиях между данными. Также он сообщает, что это было не голосование за Тихановскую, а голосование против действующего президента: «Людей все настолько достало, что готовы были голосовать за домохозяйку, только не за Лукашенко». По его мнению, дело вовсе не в Тихановской (так как электорат попросту перетек к ней от В.Д. Бабарико), а в том, что Лукашенко как президент утратил доверие.

Следствием же этого всего стал раскол общества, который тем не менее объединил разнородную белорусскую оппозицию, ориентированную и на Запад, и на Россию, и на независимый курс. Вся оппозиция солидарна с тем, что результаты выборов сфальсифицированы, и «Сначала против, а потом разберемся, когда будет свобода выбора и никто не будет воровать голоса».

Отдельно автор высказывает и собственное мнение: что же делать в данной ситуации России. Он упрекает Лукашенко в «заигрываниях с Западом» - и это несмотря на колоссальную поддержку, которую оказывает ему Москва, в то время как в ЕС в отношении него приняли персональные санкции. Соответственно, выход автор видит в том, чтобы налаживать взаимодействие именно с белорусским народом, причем с оппозицией не только пророссийской, но и прозападной. Последнее автор подчеркивает особо, сообщая, что среди прозападной оппозиции есть люди, которые «не только не будут иметь ничего против соблюдения интересов России на белорусской территории, но и станут активными сторонниками Союзного государства». При этом, однако, автор не призывает однозначно отказываться от поддержки Лукашенко - по крайней мере, не прямым текстом.

То, что автор сообщает о санкциях против Лукашенко, не совсем корректно. Санкции против Лукашенко (а также других 14 высокопоставленных белорусских чиновников) действительно были введены, однако только 6.11.2020, в то время как статья на Regnum была опубликована 21.08.2020. В августе речь о санкциях, конечно, уже шла, однако ЕС все же еще надеялся на диалог с официальными властями Беларуси.

Интернет-издание Lenta.ru выпустило 11.08.2020 сообщение о начале протестов в Беларуси – со ссылкой на телеграм-канал NEXTA Live, впоследствии сменивший название на HEXTA Live и признанный судом Центрального района Минска экстремистским. Де-юре данная статья только сообщает информацию и воздерживается от оценочных суждений, однако де-факто оценка все же выражается. Так, говоря о насилии на протестах, авторы макси-

мально акцентируют внимание на действиях протестующих, о силовых структурах сообщая лишь то, что против них «применяются файеры, брусчатка, коктейли Молотова».

В статье от 20.11.2020 «Лукашенко пообещал убрать из Белоруссии "фашистский" бело-краснобелый флаг» (ставший символом протестов) показательно уже то, что фашистским флаг назван в кавычках. В последнем абзаце, рассказывая об истории этого флага, авторы пишут, что по результатам референдума 1995 г. он был заменен на краснозеленый, напоминающий флаг Белорусской ССР, а сам Лукашенко в 1994 г. принимал президентскую присягу именно под бело-красно-белым флагом (хотя теперь утверждает, что «тогда не мог поступить иначе, так как флаг был установлен Верховным Советом»). Таким образом, сами авторы Lenta.ru сообщают о связи бело-красно-белого флага с нацистами исключительно цитатами Лукашенко.

На Lenta.ru есть и те материалы, которые показывают белорусскую оппозицию в негативном свете (к ним, например, относятся «В Гродно взорвали машину милиционера из "черных списков" силовиков от оппозиции» и «Алексиевич открестилась от слов о новом Координационном совете оппозиции»), однако их количество все же меньше, чем количество материалов нейтральных или «мягко» поддерживающих оппозицию.

На сайте «Радио "Свобода"» 12.08.2020 была опубликована статья в поддержку протестов (что не удивляет, поскольку данное СМИ финансируется из конгресса США, и репутация у него соответствующая). Уже начало статьи говорит об ангажированности: «[...] четвертый день протестов после выборов в Беларуси, которые Александр Лукашенко проиграл. Победитель первого тура Светлана Тихановская фактически была депортирована в Литву под угрозой насилия». Действия милиции автор М. Соколов называет карательными операциями и сравнивает их с оккупацией Беларуси нацистами.

Далее автор ставит вопросы, к чему же приведет сопротивление итогам выборов и какие уроки следует извлечь из белорусского кризиса России. Беседует он по этому поводу с членом политкомитета партии «Яблоко» Л. Шлосбергом, белорусским политиком А. Лебедько, вернувшимся из Беларуси журналистом Dailystorm A. Старковым и правозащитником Р. Киселевым-Августом.

Старков в первую очередь благодарит российское представительство в Республике Беларусь за то, что дипломаты вытащили его и коллег из Центра изоляции правонарушителей. Старков утверждает, что они с коллегами, как и полагается журналистам, работали в манишках с надписью «Пресса», при задержании сообщили, что они российские журналисты (Р. Киселев-Август впоследствии конкретизирует, что теперь статус журналиста уже не защищает, а, напротив, делает журналиста мишенью), а также — что в целом действия ОМОНа были жесткими, хотя конкретно с ними

обошлись не настолько жестко, насколько было возможно. Говоря о сопротивлении протестующих сотрудникам силовых структур, Старков предполагает, что они, вероятно, оказали бы сопротивление, если бы могли, – однако не могли.

Л. Шлосберг, комментируя ситуацию, предполагает, что события в Беларуси — это «расставание белорусского общества с Лукашенко, расставание абсолютно решительное, навсегда», поскольку он организовал карательные действия против десятков тысяч людей. Однако от прогнозов о будущем протестов Шлосберг воздерживается.

Ведущий беседы обращает внимание на «сегодняшнее» (12.08.2020) выступление Лукашенко, на котором тот сделал несколько «весьма экзотических» заявлений (видеозапись приводится), однако собеседники, главным образом Лебедько, не считают, что оно заслуживает внимания, поскольку «времени для этого [заявлений. – \mathcal{A} . \mathcal{B} .] было более чем достаточно». Описывая же происходившее на тот момент на улицах Беларуси, Лебедько говорит, что люди совершенно не демонстрируют страха, и более того – настроение приближено к праздничному.

Что касается роли Тихановской, то говорится следующее: во-первых, по словам Старкова, белорусский народ был готов голосовать «[...] хоть за черта лысого, только не за Лукашенко». Во-вторых, Соколова расстраивает, что Тихановскую критикуют за бегство из страны – по его мнению, исключительно вынужденное. Соколов использует следующую формулировку: «Должны ли люди ее критиковать за то, что она, как Жанна д'Арк, не пошла на свою голгофу?». Шлосберг с Соколовым солидарен: по его мнению, Тихановская совершила личный подвиг. В том, что Тихановская находится за пределами Беларуси, Лебедько видит плюсы: это означает, что она в безопасности, что перед ней открылись новые возможности, а также что Лукашенко, выслав ее из страны, совершил политическую ошибку. Сомнений в том, что выборы выиграла именно Тихановская, у дискутирующих нет.

Говоря о возможностях давления со стороны ЕС, Лебедько предполагает, что если против Лукашенко введут санкции [которые уже были введены 6.11.2020. - Д. Б.], то это будет чувствительно, и Лукашенко не сможет это игнорировать. В этой связи обращается внимание на «очень непростые, сложные отношения с российской стороной»: Лукашенко не получил должной политической поддержки со стороны президента РФ В.В. Путина, и это негативно сказалось на финансовых потоках. Что же касается России, то Шлосберг предполагает: белорусские протесты - это «прямая политическая проекция на Россию», особенно с учетом схожести некоторых политических решений Путина и Лукашенко (например, внесение изменений в Конституцию об обнулении президентских сроков: в 2004 г. в Беларуси, в 2020 г. – в России).

В связи с белорусскими протестами вспоминаются также и протесты в Хабаровске. Соколов

выражает надежду, что оба эти прецедента иллюстрируют пробуждение гражданского общества.

Независимое информационное агентство «Интерфакс», описывая различные аспекты ситуации в Беларуси, использует в последних абзацах своих материалов для введения читателя в курс следующую формулировку: «Протестующие не согласны с оглашенными итогами выборов главы государства, на которых, по предварительным данным ЦИК, действующий президент Александр Лукашенко набрал 80,08% голосов, а его основной соперник Светлана Тихановская — 10,9%». С точки зрения семантики она максимально нейтральна и не выражает личного отношения ни к одной из сторон. Однако при непосредственном описании аспектов оценка присутствует и заключается как минимум в выборе этих аспектов.

Так, в статье «На протестах в Белоруссии задержали почти 7 тысяч человек» от 13.08.2020 делается акцент на несанкционированности протестных акций, на комментариях белорусского МВД и неправомерных действиях протестующих; при этом заметка «Силовики применили газ против участников акции протеста в Минске» от 12.08.2020, напротив, сосредоточена на том, что люди (не «протестующие» или «бунтовщики», а именно «люди») вынуждены прятаться от слезоточивого газа в подъездах.

Статью от 13.08.2020 «В Белоруссии началась волна митингов на предприятиях» также можно назвать лояльной к белорусской оппозиции. Сообщая о причинах недовольства протестующих, авторы не упрекают их в том, что они недовольны необоснованно, дают ссылки на посты, опубликованные в англоязычном Тwitter-аккаунте оппозиционного канала NEXTA Live, а также сообщают именно о мирных акциях протеста.

Новости на сайте информационного агентства «РБК» по тэгам «Белоруссия» и «Беларусь» на удивление различны. Тэг «Беларусь» куда менее активен, и единственная опубликованная с ним статья после президентских выборов — это «В правительстве Германии сообщили о контактах с Тихановской»; помимо непосредственного инфоповода, авторы также пишут, что правительство ФРГ призвало белорусские власти отказаться от насилия в адрес протестующих и освободить политических заключенных. Кроме того, присутствует баннер со ссылкой на статью «Тихановская объяснила свой отъезд из Белоруссии».

Тэг «Белоруссия» в большинстве случаев идет в паре с тэгом «протесты», и публикации по ним выражают умеренную лояльность к протестующим. Заголовки соответствуют: «Правозащитники сообщили о задержании в Белоруссии более 1 тыс. человек», «Лукашенко пообещал уйти с президентского поста "когда надо"», «ОБСЕ заявила о систематических нарушениях прав человека в Белоруссии», «Лукашенко приказал не пускать обратно уехавших в Польшу врачей». Рассказывая общую канву событий в Беларуси, авторы не говорят о Лукашенко

негативно и сообщают лишь о событиях, не погружаясь в аналитику, однако подчеркивают, что штаб Тихановской требовал передачи власти исключительно мирным путем, и не ищут оправданий примененным правительством жестким мерам.

На сайте «Независимой газеты» все статьи о белорусских протестах собраны в теме «Политический кризис в Белоруссии 2020», и они по большей части к протестующим лояльны. Так, некоторые заголовки — «В Белоруссии продолжаются репрессии», «Ошибка президент-диктатора Лукашенко», «Лукашенко переходит в контрнаступление против собственного народа».

Автор статьи «В Белоруссии продолжаются репрессии» А. Ходасевич отмечает, что Лукашенко убежден в необходимости власти реагировать на протесты, которые тот сравнивает с террористическими угрозами; суть же реакции состоит в том, чтобы «еще больше усиливать репрессии», а именно – увольнять рабочих и отчислять студентов. К исполнению этого распоряжения чиновники уже приступили; сообщаются имена некоторых уволенных рабочих, а также - что в белорусских вузах появились списки кандидатов на отчисление. Кроме того, автор со ссылкой на экспертов (как то: политический обозреватель А. Класковский и бывший сотрудник КГБ В. Костка) утверждает, что, хотя на радикальные меры протеста бастующих провоцируют именно белорусские власти, у протеста есть тенденции и дальше оставаться мирным.

Упомянуты и белорусские медики, которые «не бастуют в силу специфики своей профессии, но активно участвуют в акциях протеста и выступают с видеообращениями». Со ссылкой на них сообщается, что после задержаний 9–11 августа люди поступали в больницы с серьезными травмами, а это влияет даже на позицию тех, кто раньше был аполитичен.

В статье «Ошибка президент-диктатора Лукашенко» сообщается, что та самая вынесенная в заголовок ошибка — это решение Лукашенко увольнять рабочих и отчислять студентов. Данная статья представляет собой аналитику и, как уже видно, однозначно подвергает заявления и методы Лукашенко критике. Авторы полагают, что Лукашенко напрасно думает (или же делает вид), что протестуют лишь единицы, в то время как фактически им недовольна вся страна, а его призывы «убрать детей с улиц, чтобы потом не было больно» есть не что иное, как угроза гражданам.

В заголовке одной из статей «Независимой газеты» обращается внимание на роль Евросоюза: сообщается, что вузы стран ЕС примут белорусских студентов, которые были отчислены за участие в протестах (хотя фактически сама статья посвящена не этому, а различным аспектам кризиса в Беларуси в целом).

Что касается взаимодействия Лукашенко и РФ, авторы уверены: несмотря на все заверения Лукашенко, что Москва – главный союзник Минска, на

деле же его главный союзник — это белорусские силовики. Поскольку он предпочитает удерживать власть «самыми примитивными, силовыми методами», Москва ему, оказывается, не очень-то в качестве союзника и нужна, и Москву это ставит в неудобное положение. Авторы утверждают, что, помогая Лукашенко, Россия полагала, что протест утихнет, однако тот, наоборот, разгорелся с новой силой; выходит, что «российская власть помогла укрепиться одной из сторон конфликта — и теперь эта сторона переходит к инструментам прямой диктатуры».

Англоязычные СМИ

ВВС News в статье от 13.08.2020 «Выборы в Беларуси: шокированные насилием, люди отринули страх» описывает это самое насилие очень красочно: так, автор сообщает, что «крики [протестующих, которых начали избивать дубинками. – \mathcal{I} . \mathcal{E} .] были настолько громкими, что они заглушали звуки гранат». Свои слова автор Т. Мельничук подкрепляет фотографиями протестов, а также ссылками на посты очевидцев в Twitter.

Автор использует первое лицо, пишет от своего имени: «Я видела, как парни и девушки бежали в поисках убежища мимо моих окон, чтобы получить передышку перед тем, как столкнуться с милицией снова», «Мои соседки пытаются удержать своих сыновей и мужей от присоединения к ночным протестам, потому что переживают за их безопасность», «Никто из тех, с кем я разговаривала, ни в коей степени не поддерживает действия милиции». Говоря о жестокости по отношению к задержанным, автор отмечает, что задерживают не только тех, кто принимает участие в протестах, но и случайных людей; об этом автор рассказывает в том числе и через призму собственного опыта, приводя в пример задержание сына своего друга.

Автор сообщает, что люди откровенно смеются над выступлениями лидера Беларуси по телевизору и задаются вопросом, как ему удается жить в согласии с самим собой. Ссылаясь на свою подругу, пообщавшуюся с сотрудниками белорусского метро, она пишет, что даже те обвиняют во всем (в том, что несколько станций метро были из-за протестов перекрыты) Лукашенко.

О протестующих говорится, что они молоды и бесстрашны; многие принадлежащие к старой оппозиции оказались за решеткой или же были вынуждены бежать, поэтому лидера у протестующих нет, и их основные требования — уход Лукашенко с поста президента и освобождение политзаключенных. Однако пусть лидеров и нет, есть солидарность и есть организации, занимающиеся сбором средств для заключенных: на еду, оплату штрафов, услуги адвокатов.

В статье «Что происходит в Беларуси?» от 8.09.2020 авторы рассказывают коротко обо всем: что за страна Беларусь, кто такой Александр Лука-

шенко, как прошли выборы в августе этого года, что и почему произошло после. Приводятся видеозаписи — в том числе с пометкой «Содержит неприемлемые сцены».

О «последнем диктаторе Европы» Александре Лукашенко сообщается, что выборы при нем никогда не были свободными и справедливыми, а для удержания власти он использует цензуру и репрессирует своих политических противников; основные претензии к нему – это вышеупомянутые репрессии, а также невнятные высказывания на тему пандемии COVID-19 (так, Лукашенко предлагал лечиться от коронавируса с помощью водки, сауны и тяжелого труда). О самой же Беларуси – что она граничит с такими странами, как Россия, Украина, Польша, Латвия и Литва, причем особо подчеркивается, что раньше Беларусь находилась под метрополией Российской империи (т.е. предшественника СССР и РФ). Важность же происходящих сейчас в Беларуси событий состоит в том, что эта страна, как и Украина, вовлечена в противостояние между Россией и Западом.

Прошедшие выборы, по словам авторов, ознаменовались обоснованными (и оправдавшимися) опасениями фальсификаций и многодневным отключением Интернета по всей стране. Народ оглашенным официальным результатам не поверил, счел это наглостью и вышел на улицы. Тихановская же, настаивавшая на своей победе, была насильно депортирована в Литву. Ее видеообращение, в котором она объясняет, что покинула Беларусь ради своих детей, авторы уважительно называют эмоциональным. Уделяется внимание и другим видеообращениям Тихановской, а также созданию ею Координационного совета, вести переговоры с которым Лукашенко отказался и против которого 19.08.2020 было возбуждено уголовное дело.

Рассказывая, как проходили протесты, авторы обращают внимание на насилие со стороны сотрудников силовых структур, которое, в свою очередь, вызвало новую волну возмущений и протестов. Акцентируется внимание на том, что протесты проходили мирно: «[...] одетые в белое женщины несли розы, держались за руки и маршировали по улицам». Приводится видеозапись с участием протестующей, которой 73 года. Далее сообщается, что начали протестовать уже государственные предприятия (рабочие которых впоследствии освистали Лукашенко) и некоторые сотрудники государственных телеканалов. Лукашенко же отреагировал следующим образом: путем угроз начал склонять известных оппозиционеров к отъезду из страны.

Спустя три с лишним месяца после начала протестов материалы на ВВС News остаются не менее эмоциональными. Так, в одном из них (от 17.11.2020) об избиении протестующих до синяков сообщается уже в заголовке, а сразу после идет конкретика: автор А. Абдурасулов рассказывает, как защищенные шлемами и бронежилетами силовики «швыряют» женщин с цветами в автозаки, применяют слезоточивый газ в отношении мирных пенсионеров. По словам

общавшейся с автором участницы протестов, происходящее напоминает Вторую мировую войну: как тогда люди пытались укрывать евреев от нацистов, так и сейчас – протестующих от силовиков.

С одной стороны, жестокость по отношению к протестующим в какой-то степени их утихомирила («Флагов оппозиции стало меньше, — поделился минский предприниматель [...]. — Атмосфера торжественности пропала. Каждый раз, когда ты присоединяешься к протестному маршу, ты не знаешь, вернешься или нет. Это очень нервирует»). С другой стороны, автор делает акцент на том, что люди, несмотря на все многочисленные сложности, спустя сто дней протестов все еще не сдались, потому что не видят для себя другого выхода, кроме как продолжать борьбу.

Показав бастующих белорусов мирными и человечными, автор тут же пишет, что Лукашенко назвал их проплаченными алкоголиками и наркоманами. А также — что Лукашенко, несмотря на настойчивое «закручивание гаек», эту войну про-игрывает.

Не обошла стороной тему белорусских протестов и The Daily Mail. Так, 20.09.2020 вышел материал А. Кратероу о противостоящих силовикам белорусских протестующих женщинах, однако уже в первом же абзаце упоминается, что тысячи белорусов прошли маршем по Киеву (в то время как Киев — столица Украины). Белорусские города Минск, Гродно и Брест тоже упоминаются, однако внимание акцентируется именно на Киеве. Сложно сказать, идет здесь речь об ошибке или же о неумело расставленных акцентах и слабой структуре.

Автор не утверждает однозначно, что результаты выборов были подтасованы (сообщая об этом, она ссылается на оппозицию и результаты некоторых опросов), однако тот факт, что Лукашенко репрессировал своих оппонентов и категорически отказался от диалога с оппозицией, сомнениям не подвергается.

В другой статье в The Daily Mail – от 18.10.2020 – уже в заголовке подчеркивается героизм протестующих, которые не сдаются, несмотря на «[...] угрозы милиции открыть огонь». Далее автор Б. Патель сообщает, что Лукашенко - правитель авторитарный и что Беларусь как бывшая советская республика тесно связана с Россией. Обращается внимание на огромное число задержанных за все время после дня выборов – более 13 тыс. человек (задержаны были в том числе и оставшиеся в стране лидеры оппозиции, а также – было оказано давление на независимые белорусские СМИ), однако бастующие считают, что, несмотря на угрозы силовиков стрелять на поражение, пути назад у них уже нет. Более того – те уверены, что чем выше в отношении бастующих уровень насилия, тем больше людей выйдет против этого бастовать.

В ноябре 2020 г., однако, в The Daily Mail тема протестов в Беларуси не освещалась.

Автор CNN Т. Листер настроен не очень оптимистично: по его мнению, Запад может бесконечно

«скрежетать зубами» в адрес Лукашенко, но это мало что изменит. США и Европа следят за ситуацией, пытаются повлиять на нее посредством заявлений с осуждениями и обсуждением санкций против белорусского руководства (которые были введены 6.11.2020), однако, по мнению Листера, едва ли эти символические меры помогут поколебать режим, который выстраивался на протяжении 26 лет. Хотя бы по той причине, что экономически Беларусь от Запада практически не зависит, но зависит от России. Запад обеспокоен тем, что эта зависимость может усилиться еще больше - вплоть до того, что Россия «захватит» Беларусь. Единственный шанс избежать этого - мирный переход власти в Беларуси, а на это повлиять могут разве что Брюссель и Вашингтон.

В статье от 23.09.2020 корреспондент CNN X. Ярохава рассматривает ситуацию с инаугурацией президента Лукашенко и уже начиная с заголовка называет ее «фарсом» и «воровской сходкой» (ссылаясь при употреблении данных выражений на белорусскую оппозицию). При описании церемонии автор сообщает, что о ней не было объявлено заранее и что в это же самое время белорусы, оспаривая победу Лукашенко, продолжали протестовать, а присяга президента Республики Беларусь, в противовес этому, содержит слова: «"[...] торжественно клянусь верно служить народу Республики Беларусь, уважать и охранять права и свободы человека и гражданина, соблюдать и защищать Конституцию Республики Беларусь [...]"».

Не остается без внимания и тот момент, что в США президентские выборы в Республике Беларусь легитимными не признают. А созданный белорусской оппозицией Координационный совет призывает Евросоюз и ряд стран (включая США и Россию) занять по данному вопросу четкую позицию.

О России и о значении для нее белорусских протестов на CNN тоже не забывают - например, в статье от 14.09.2020 «Путину предстоит сложный выбор в отношении Беларуси: как разобраться с Лукашенко и не сдать позиции» (причем один из ее авторов, Л. МакГи, - главный продюсер CNN и CNN International). Так, статья освещает встречу Путина и Лукашенко в российском Сочи, по итогам которой, однако, Путин мало пролил свет на долгосрочные планы в отношении Беларуси. По мнению экспертов (авторы ссылаются на К. Джайлса из Chatham House), задача Путина состоит в том, чтобы не потерять Беларусь и не позволить белорусскому народу насильственно сменить власть. У Путина и Лукашенко отношения не самые простые, однако «Лукашенко для России – известная величина. А Путин [...] не сторонник смены режимов в странах, живущих под диктатурой». И, вероятно, Лукашенко придется лишиться некой части своего влияния в обмен на помощь от России. Не то чтобы их обоих это устраивало, однако оба пытаются удерживать влияние и воспринимают друг друга как наименьшее зло.

ЕВРОПЕЙСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ: СОБЫТИЯ, ОЦЕНКИ, ПРОГНОЗЫ

Выводы

Таким образом, картина выстраивается следующая:

- различные аспекты протестов в Беларуси освещались в разное время абсолютно всеми СМИ, какой бы ни была основная направленность издания;
- большая часть статей российских СМИ (включая и некоторые статьи федеральных СМИ), независимо от оценки значимости фигуры С.Г. Тихановской, поддерживают протестующих или, во всяком случае, не выражают по отношению к ним осуждения;
- независимые СМИ протестующих преимущественно поддерживают, пусть поддержка и выражается достаточно осторожно;
- осуждение протестующих не равно поддержке А.Г. Лукашенко: она присутствует в материалах разве что Первого канала, и то очень дозированно; вероятно, это связано с тем, что в отношениях российского и белорусского лидеров много сложностей.

Бюллетень публикуется Отделом проблем европейской безопасности Центра научноинформационных исследований глобальных и региональных проблем ИНИОН РАН с целью способствовать развитию конструктивного диалога по проблемам безопасности в Евро-Атлантическом регионе. Мнения авторов, высказанные на страницах бюллетеня, отражают их личную точку зрения и не обязательно совпадают с позицией ИНИОН РАН.

Редакционный совет:

Академик В.Г. Барановский Генерал-майор в отставке В.З. Дворкин Д-р полит. наук Д.В. Ефременко Д-р полит. наук А.И. Никитин Канд. ист. наук А.В. Загорский Главный редактор – канд. ист. наук Т.Г. Пархалина Ответственный секретарь – Т.В. Арзаманова

www адрес:

http://www.inion.ru/index.php?page id=487

всего выпусков: 75 (на конец 2020)

Свидетельство о регистрации ПИ №ФС77–2172